

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Патримониалистский круг российской истории. Если сегодня в России поднимается вопрос о справедливости, то признается, что у нас дискурса справедливости нет, поскольку не существует общего теоретико-понятийного поля, на котором сталкивались бы различные политико-философские, правовые, этические концепции справедливости, нет общего языка, на котором эти концепции говорили бы друг с другом. На Западе мы замечаем противоположную картину: там различные дискурсы справедливости имеют общее либеральное или либерально-коммунитаристское основание. Таковые основания у нас отсутствуют, и взор обществоведа, обратившись к нашей истории, отмечает в ней торжество патримониализма. При патримониалистском понимании справедливости все готовы чинить произвол и воздерживаются от этого только под давлением авторитарно-деспотической власти, которая вводит произвол в установленные ею рамки. Свобода, равенство, уважение к правам личности в либеральном понимании у нас отсутствуют, поскольку ни для кого не являются самоценными. В патримониалистском обществе все, по выражению Чернышевского, – «Батыи».

Время от времени, как отмечает например Б.Н. Кашников, в России возникают тенденции дополнить патримониалистскую справедливость другими ее разновидностями – аристократической, утилитаристской или либертарной. Но это только порождает болезненный раскол в обществе: все социальные группы, ассоциирующиеся с новыми видами справедливости, довольно быстро превращаются паразитические, получают привилегии, не связанные с обязанностями. В итоге они начинают вызывать ненависть патримониалистского большинства. Тогда раскол преодолевается на старом основании. Паразитирующих дворян прогоняют большевики, которые затем превращаются в такую же паразитирующую номенклатуру. Последняя преобразуется в социально безответственных бизнесменов и чиновников современной России, и ей грозит участь предшественни-

* Фишман Леонид Гершевич – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

ков. Матрица оппозиции «общества» и «боярства» веками остается неизменной и периодически требует появления доброго и справедливого властителя, который приструнит «бояр» и заставить их нести тяготы служения государству наряду со всеми прочими членами общества. Меняется одно – патримониализм сосуществует с различными видами справедливости: аристократическим (основанным на понятии равенства благородных людей), утилитаристским («наибольшее счастье для наибольшего числа людей») и либертарным (напоминающим аристократический с тем отличием, что идеал служения заменяет идеал наживы)¹.

При таком подходе остается только надеяться, что когда-нибудь горький исторический опыт заставит народ и элиту осознать тупиковость многовекового вращения по патримониалистскому кругу. Тогда они оценят по достоинству либеральное (либерально-коммунитарное) понимание справедливости и кропотливым трудом принудят себя ему следовать в общественной жизни.

Патримониалистская концепция при всех ее достоинствах практически не проливает свет на причины появления все новых синтезов патримониализма и иных идеалов справедливости. Так, например, советский синтез патримониализма и утилитаризма объясняется тем, что утилитаристские принципы наилучшим образом накладывались на патримониалистскую основу. Но тогда почему крушение советского строя в результате вырождения номенклатуры не привело к новому возрождению этого синтеза? Вряд ли ведь либертаризм олигархов и постсоветских чиновников накладывается на патримониалистскую основу лучше утилитаризма.

Дискурс справедливости и модернизаторский проект. Б.Н. Кашников (равно как и А.С. Ахиезер, из ряда положений которого он исходит) не придает особого значения тому факту, что смена концепций справедливости ни у нас, ни на Западе не происходила сама по себе. Она не была итогом только внутреннего развития самой идеи справедливости или результатом соответствия этой идеи специфическим культурным традициям. Говоря о влиянии Просвещения, Б.Н. Кашников упускает из виду, что оно породило прежде

¹ Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии, 2004. № 2. С. 29-43.

всего великий модернизаторский проект, который и оказал определяющее влияние на развитие дискурса справедливости.

Но чем по сути был этот проект? Это был проект расширения человеческих возможностей исходя из прогресса разума вообще и науки в частности. Раньше человек был сер, глуп и фанатичен, обременен массой предрассудков. Из-за этого человечество не могло достичь устойчивого благосостояния, благ было мало и не хватало на всех. Теперь же человек осмыслен как едва ли не впервые в своей истории сделавший уверенные шаги на пути достижения коллективной и индивидуальной рациональности и достойный в силу этого благ, которые несет прогресс наук и искусств.

Предоставить ему все эти блага стало справедливо. И не случайно первым вестником такого понимания стал утилитаризм с его лозунгом наибольшего счастья для наибольшего числа людей.

Б.Н. Кашников из всего наследия Просвещения, которое оказало влияние на становление советского строя, также выделяет утилитаризм – но только как образ мышления, наиболее соответствующий отечественной традиционной культуре. Если в этом и есть доля истины, то не большая. Утилитаризм просто был наиболее доступным для массового понимания элементом модернизаторского проекта расширения человеческих возможностей, которым оказалась захвачена и Россия в начале прошлого века.

Каково соотношение модернизаторского проекта и идеи справедливости? С точки зрения данного проекта справедливость впервые в истории стала целенаправленно осмысливаться с точки зрения расширения человеческих возможностей. В прошлом теории справедливости в основном уделяли внимание нормативным вопросам или сосредоточивались на абстрактно понимаемой человеческой природе и ее нуждах.

Модерн во многом изменил это положение если и не в области чистого дискурса справедливости (если таковой когда-нибудь и существовал), то в области его идеологических интерпретаций. С радикальной точки зрения, особенно с социалистической, марксистской самый важный вопрос в теории справедливости звучал примерно так: почему сегодня люди считают несправедливым то, что считали справедливым вчера? Иначе говоря, откуда берет начало моральный импульс возмущения несправедливостью?

И становилось очевидным, что он берет начало из осознания того факта, что сегодня возможности, предоставляемые человеку совершенствованием науки, техники, производства, государственного управления и т.д. (прогрессом), объективно возросли, в то время как общественные отношения остаются такими, как будто ничего не изменилось. Несправедливость стала заключаться в том, что плоды прогресса присваиваются частью общества определенно меньшей, чем это уже можно позволить. Также в свете модернизаторского проекта понимание основных прав человека оценивается с точки зрения знания о человеческих возможностях и их ценности.

Другими словами, победа представления о том, что возможности общества расширились вследствие прогресса, в эпоху Модерна служила источником морального неприятия и становится главным критерием различения справедливого и несправедливого. И до сих пор эта точка зрения не забыта. И. Кучуради формулирует данный принцип так: отправной точкой для суждения о справедливости и несправедливости является «состояние реализации этих возможностей, достигнутое человеком как видом в данный исторический момент»¹. У справедливости «нет никаких особых принципов, которые... давали бы возможность людям реализовать свои человеческие возможности и способствовать продвижению человечества вперед»².

Однако сам по себе принцип реализации возможностей вне перспективы модернизаторского проекта во многом теряет свою остроту. Именно это невольно для самой себя и демонстрирует И. Кучуради, когда обрушивается с критикой на «политику развития», насаждения рынка и демократии. Справедливо указывая на пороки этой политики, И. Кучуради способна предложить в качестве альтернативы только принятие и жесткое исполнение законов, реально защищающих права человека, как она их понимает. Однако справедливое общество, построенное по рецептам Кучуради, очень скоро натолкнется на ряд проблем, связанных с оценкой того, какие возможности необходимо предоставить всем людям для их реали-

¹ Кучуради И. Справедливость – социальная и глобальная// Вопросы философии, 2003. № 9. С. 20.

² Там же. С. 21.

зации, а какие – нет. Необходим ли, например, всем для самореализации личный транспорт? Конечно, можно предоставить всем по автомобилю, но тогда станет совсем плохо с окружающей средой, да и нефть очень скоро закончится. Иначе говоря, реализация проекта расширения человеческих возможностей подразумевает не простой мониторинг научно-технического прогресса и предоставление его благ всем, а целенаправленную стратегию «продвижения человечества вперед», то есть рациональный проект модернизации. Пороки современных проектов модернизации (если только они достойны этого звания) очевидны, но *вне проекта модернизации любая теория справедливости превращается лишь в некие абстрактные, «особые принципы».*

Статические и динамические дискурсы справедливости.

Если взгляд на справедливость с точки зрения человеческих возможностей и не забыт сегодня полностью, то вследствие заката Модерна он отодвинут на задний план вновь возобладавшими *статическими* теориями справедливости.

С нашей точки зрения, теории справедливости условно можно разделить на динамические и статические. Первые – сравнительно недавнее явление. Они учитывают прогресс и исходящее из него расширение возможностей. Вторые гораздо древнее и привычнее; они явно или скрыто исходят из наличия неизменной человеческой природы, неких вечных моральных положений. Первые теории ориентированы на реформу и революцию, вторые – скорее на консервацию существующих отношений. Если ситуация такова, что в споре сталкиваются лишь разновидности статических теорий справедливости, то это означает, что и само общество находится в застое, если не в упадке. Таков, например, знаменитый спор Сократа с Фрасимахом.

В принципе статична имеющая в данное время наибольшую известность теория справедливости Роулза. Ее исходный момент – в некоем извлеченном из реалий общества человеке, который должен придумать правила поведения, полагаясь только на свою честность. Эти правила не должны позволить ему потерпеть непоправимого ущерба в том случае, если, вернувшись в реальное общество, он окажется на невыгодной социально-экономической позиции. Данная теория обходит вопрос о расширении или сужении воз-

возможностей и скорее озабочена вопросом о доступе к ним, то есть распределением *уже наличного* социального капитала.

Любая абстрактная, статическая теория справедливости ограничена кругом существующих возможностей. А. Лазаревич в своей книге «Советия» описывает типическую ситуацию, в которой разворачивается именно статический дискурс справедливости. В этом примере, речь, правда, идет о свободе, но, как станет видно ниже, он напрямую относится и к справедливости.

Для простоты представим себе очень примитивное общество, скажем, какое-нибудь первобытное племя, живущее на острове в океане. Представим себе также, что единственной пищей островитян является некое растение, обладающее следующими свойствами: его плоды особенно вкусны на ранней стадии созревания, но если их все оборвать и съесть до того, как в них созреют семена, то на следующий год растение вообще не даст всходов, и все племя погибнет от голода. Легко понять, что в таком племени должны существовать очень серьезные запреты («табу») на срывание этих плодов до определенного дня в году, поскольку от этого зависит физическое выживание племени. ... Итак, мы видим классическую ситуацию крайне несвободного общества, где верхи притесняют низы с очевидной пользой для себя, используя все средства, с помощью которого общество может оказывать давление на индивидуума, начиная с моральных, религиозных, этических запретов, традиций и обычаев, психологического давления группы и кончая юридическими нормами. Жить в таком несвободном обществе крайне неприятно. Можно представить себе, что в нем наверняка есть свои «диссиденты», которые обличают корыстный интерес вождя и верховного шамана в создавшемся положении дел и уверяют сородичей, что единственная причина, по которой введено это табу – это для того, чтобы создать привилегии верхушке племени. Но подобная правда этих «диссидентов» всего лишь пол-правды, поскольку у введения табу была еще и другая, вполне объективная причина. И если неразумные сородичи послушаются призывов «диссидентов», восстанут и станут срывать плоды раньше времени, то на следующий год все племя вымрет. Это пример общества, которое объективно не может позволить себе быть свободным – у него нет для этого достаточных ресурсов. ... Теперь представим себе, что на острове потерпел кораблекрушение замеча-

тельный ботаник-селекционер, который быстро разобрался в ситуации, и через несколько лет вывел новый сорт этого растения, семена в котором созревают до появления плодов, и поэтому плоды его можно есть в любой момент. Этот новый сорт быстро распространился по острову, однако вождь и верховный шаман не отменили прежнее табу на срывание ранних плодов, поскольку привилегия срывать ранние плоды является символом их высокого социального статуса, который они терять не хотят. С этого (но только с этого) момента призывы «диссидентов» к отмене табу становятся обоснованы и полезны для общества, поскольку только с этого момента утверждение «диссидентов» о том, что табу существует лишь для сохранения привилегированного положения верхушки племени становится полной правдой¹.

В более широком историческом аспекте можно привести другие примеры. Если рабство экономически выгодно и не может быть эффективно заменено свободным трудом, то и самая гуманная теория справедливости по отношению к этому институту недействительна. Если средневековые горожане не могут в военном отношении противостоять рыцарям, то до тех пор, пока не появились арбалет, алебарда и мушкет, их подчинение воспринимается как справедливое. (В связи с этим вспоминается также американское представление времен Дикого Запада о том, что пистолет уравнивает возможности). Пока книги переписываются от руки, справедлив почти исключительный доступ к образованию только элиты. Когда изобретен печатный станок, прежняя ситуация уже видится несправедливой. Пока не были придуманы электрический двигатель и паровая машина, тяжелый физический труд рабочих справедлив. Но когда они уже изобретены – справедливо облегчить труд, давая трудящимся больше возможностей для культурного роста.

Таким образом, прогресс ломает статические теории справедливости вроде средневековых: рыцари всех защищают, духовенство за всех молится, а крестьяне за всех пахут.

Возникающий из этого слома динамический дискурс справедливости своим результатом имеет те типы политический или

¹ *Лазаревич А. Советия //*
<http://lib.align.ru/cgi-bin/download.pl?id=6441&packer=&charset=win>

философско-религиозных дискурсов, которые ориентированы на практики, создающие новые, более широкие возможности (даже если они уже и не напрямую связаны с новыми достижениями прогресса). Динамические теории справедливости также подразумевают новые представления о доступной теперь *большему чем прежде числу людей* степени свободы. Революционный дискурс справедливости, часто связанный с социалистической утопией, поэтому всегда рисует картину будущего общества, в котором только-только появившиеся достижения научно-технического прогресса преобразят всю жизнь и будут доступны всем. Ленин в юности читал не только «Капитал» К. Маркса, но и роман французского писателя-фантаста Альберта Робиды «Электрическая жизнь», в котором описывался грядущий двадцатый век, век электричества со всеми его достижениями вроде радио, телевизора, электромобилей и т.д. «Капитал» произвел на будущего «вождя мирового пролетариата» такое сильное впечатление в первую очередь потому, что в нем он увидел мощное средство для перехода России из лапотного состояния именно в это электрическое будущее. Отсюда – «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны», «Радио – это газета без бумаги и расстояний» (прямая цитата из этого фантастического романа).

Спекуляция понятием утилитаризма и справедливость для России. Теории справедливости сами по себе, вне модернизаторского проекта, с легкостью приобретают статический характер. Характерным примером здесь является утилитаризм, который уже давно находится в центре споров о политической морали, легитимации и справедливости. Кроме того, ряд российских авторов (Б.Н. Кашников, А.С. Ахиезер, Н. Яркова) так или иначе прибегают к понятию «утилитаризм» для объяснения российских реалий и это дополнительный повод для того, чтобы заострить на нем внимание.

Маркс не случайно назвал Бентама *гениальным* идиотом: он предложил если не действительно универсальный, то применимый к очень широкому кругу вопросов (и обладающий вследствие этого большой объяснительной способностью) принцип полезности. Туманный идеал утилитаризма – наибольшее счастье для наибольшего числа людей – обладает достаточной привлекательностью, чтобы обсуждать все аспекты его возможного его воплощения на практике.

В радикальной версии утилитаризма человек представлен индивидуалистичным и эгоистичным существом, стремящимся исключительно к своему счастью. Этим стремлением обусловлены и все его внешне альтруистичные поступки. Человек всегда высчитывает ту пользу, которую он от них получит и те страдания, которые будут его преследовать, если он от данных поступков воздержится. Счастье людей обусловлено количеством получаемой ими пользы от различных благ. Утилитаристское сообщество поэтому основано на научном, рациональном взаимном учете интересов. (Помимо прочих сомнений в этой доктрине, давно возник вопрос: что будет служить измерителем пользы? Бентам не смог найти никакой универсальной и пригодной для практической калькуляции полезности мерки, кроме денег).

Один из секретов высокого значения утилитаризма – в его потенциально динамическом характере. Особенно это касается радикальной версии. Как понимать «наибольшее счастье для наибольшего числа людей»? Если счастье – это удовольствие, а измерить его объективно (хотя и частично) можно в деньгах, то отсюда следует призыв к перераспределению в пользу малоимущих (пусть и с рядом оговорок).

Деньги – это инструмент для расширения возможностей, да и вообще – синоним возможностей. Счастье богатого, выраженное денежно, как раз и заключается в больших, чем у бедного возможностях. Но и бедный, получив хотя бы ничтожное количество денег богатого, сравнительно резко расширяет свои возможности – для потребления, саморазвития и т.д.

Утилитаристская формула справедливого (легитимированного принципом полезности) общественного устройства тогда приобретает такой вид: наибольшее количество возможностей для наибольшего числа людей. Постановка в центр вопроса о счастье как пользе (через привлечение денежного измерителя счастья) выводит на проблему количества возможностей человека в обществе. Это влечет за собой дальнейшие дискуссии о природе человеческого счастья, о равенстве возможностей (и о реальном содержании понятия «равенства»), отсюда же вытекают либертаристские и коммуитаристские трактовки справедливости. И поэтому утилитаризм – это базовая для Запада теория справедливости, которая хотя может быть и не создала Запад, но выразила тот принцип, благода-

ря которому он развивался, достиг доминирования, а затем стал наслаждаться благами и заботиться прежде всего о том, чтобы их сохранить навсегда.

Иначе говоря, утилитаристский принцип наибольшей полезности в контексте Модерна порождает определенно динамическую теорию справедливости. Но взятый в отрыве от модернизаторского проекта, он есть только принцип перераспределения *уже существующих* благ и возможностей. Это показывает в своей статье Н. Яркова, когда связывает радикальный (развитый) утилитаризм с протестантской этикой накопления и прочими проявлениями капитализма, то есть с Модерном (в том числе, хотя и с оговорками, с его советским вариантом), а умеренный утилитаризм – с традиционными обществами (например с дореволюционным российским)¹.

Следовательно, вне модернизаторского проекта утилитаристский дискурс теряет динамизм и легко переходит в разряд статичных. Это взятое вне всяческих контекстов понятие утилитаризма и позволяет обосновывать теории, согласно которым российская история движется по замкнутому (или почти замкнутому кругу) кругу. Но эти теории выглядят убедительно только если не учитывать действительной подоплеку тех преобразований, которые происходили на протяжении XX в. в России и в мире. Прогрессивные преобразования, такие как индустриализация, электрификация, повышение уровня образования и т.д., были направлены на расширение возможностей человека как индивида и вида и объективно создавали базу для более справедливого, чем прежде, общества. И только на этом фоне любые разновидности утилитаризма, к которым нередко апеллируют наши обществоведы для объяснения особенностей русской истории, приобретали смысл. Так, например, Н. Яркова полагает, что многие наши беды произошли от того, что в нашей общественной мысли преобладал умеренный утилитаризм, в то время как на Западе – развитый. Развитый утилитаризм и придал Западу социальный динамизм, в то время как мы только сейчас накопили предпосылки для того, чтобы вполне оценить его (развитого утилитаризма) преимущества².

¹ Яркова Н. Утилитаризм как тип нравственности: опыт концептуальной реконструкции // Вопросы философии, 2005. № 8. С. 57-60.

² Там же. С. 63-64.

Но ни утилитаризм, ни какая-либо иная абстрактная теория справедливости никогда не являлись самодостаточной причиной изменений в общественной морали.

Беда современной России заключается не в том, что в ней нет разработанного дискурса справедливости и не в том, что в основе наших понятий о справедливости лежит проклятое наследие патриониалистского прошлого.

Для начала нам пригодилась бы любая теория справедливости, лишь бы в ее основании находилась целенаправленная стратегия модернизации с тем расчетом, чтобы ее плоды достались наибольшему количеству людей и не привели в перспективе к увеличению несчастий всего человечества. Такую теорию можно было бы даже назвать утилитаристской, если бы только само по себе это название что-то значило.